

"Собрал чарь Иван Васильевиць почестный пир..."

Собрал чарь Иван Васильевиць почестный пир, похвальный пир. Все сидят, пьют-едят, калацика кушают и белого лебедя рушают: а один гость не пьет и не ест, калацика не кушает и белого лебедя не рушает. «Уж ты гой еси, мой любимый гость! Что ты не пьёшь — не ешь, калацика не кушаешь и белого лебедя не рушаешь? Не зло ли ты думаешь, не лихо ли складываешь?» — «Не лихо я думаю, не зло я складываю: у меня с молода охотичка была, с молодых дён то ли бешеная, с борчами поборотчя бы мне, с удальцами поводитчя бы?»

Во Москве борчов не годилося и лихих удальчов не луцялося. Посылал чарь Иван Васильевиць во все города [во губернии], отыскать удальчов, разудалых бойчов. То и едут к селу два брата рódные, два Андрея два Андреевиця: то везут на сея лубьи свежия, словно лошади. То их нагнали удалыя молодчи, вишь на тройке, и говорят им, што чарь Иван Васильевиць просит вас в гости к сее.

То они приехали ко широкому дворцу чарскому, стали сапожки потягивать, цюлоцьки поправливать. То увидел из косясцита окошицька Темрюк Темрюковиць, молодой Церькасовиць: кинулся-бросился, триста скамей повалил, семь сот гостей задавил, да двести удалых молодчов. То и схватился еще боротча с малым братом: и был Темрюк на резвых ногах, а оцютился Темрюк на буйной голове.

То увидела Марья Темрюковна, молодая Церькасовна: «Уж ты гой еси, мужик — мужиций сын, крапивны твои семены! Насколько бы ты не боролся, насколько бы ты не водился, на страм бы ты тела не давал!» — То изволил говорить чарь Иван Васильевиць: «Уж ты гой еси, Марья Темрюковна, молодая Церькасовна! Впредь Темрюк пусть не хвалитчя!»

(Ср. «Этнограф. Сборн.» вып. V)

Песни, собранные П. В. Киреевским, Ч. II. Песни былевые, исторические. Вып. 6. Москва. Грозный царь Иван Васильевич, 1864.

За язык, правильно ли выдержаны особенности наречия в правописании, очевидно здесь нельзя отвечать. — О.